

THE DEPARTMENT OF TATAR LANGUAGE AND LITERATURE IN KAZAN UNIVERSITY: THE HISTORY OF ITS CREATION IN MEMORIES OF THE FACULTY MEMBERS AND ALUMNI

Radif Rifkatovich Zamaletdinov,

Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation,
director.ifmk@gmail.com.

Mileusha Mukhametzyanovna Khabutdinova,

Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation,
mileuscha@mail.ru.

The article presents the authors' view on the history of national (Tatar-medium) education at Kazan University. Based on the memoirs of H. Usmanov, the first Chairman of the Department of the Tatar Language and Literature in the 1950s, as well as memories, letters, and diaries of its teachers and first students we reconstruct the life, activities, main areas of work, and the range of the research conducted by the Department in the first decades after its establishment. The achievements of the Department served as a good foundation for developing Tatar-medium philological education in the USSR.

Key words: Kazan University, Tatar philology, Department of the Tatar Language and Literature, national policy in the field of education, national human cadres.

For a long period Soviet historiography preached the idea of “indestructible friendship of peoples”. It was only from the 1980s that the works, outlining the scale of radical changes in the national policy of the USSR in 1941–1945, began to appear ([Ponomarev], [Zhukova], [Rubtsov], [Glotova], [Sinitsyn], etc.). The first period of the Great Patriotic War is known to have exploited the Russian national factor, along with the factor of Soviet patriotism and friendship of peoples. The landmark event was the publication of the book “The Heroic Past of the Russian People in Fiction” (1941) [Geroicheskoe proshloe...]. The salvation of the country and socialism was viewed as a transformation of the war into a patriotic, national war, but not a class war. National-patriotic slogans were introduced into the communist ideology. Spiritual and cultural values of pre-revolutionary Russia were declared a great asset of the USSR. This was a forced concession, which led to a radical turn in the course of the war. As F. Sinitsyn points out, “during the second period of the war (November, 1942– January, 1944), characterized by both the threat to the country and predominant participation of the Russian people in repelling the aggression at the front and in the rear, the Soviet leadership enhanced the use of the Russian national factor as a leading one in the national politics of that period <...> In the final period of the war (January, 1944–

May, 1945), the Soviet leadership realized that after a radical change in the war and the “internationalization” of the army, the pedaling of the national and patriotic feelings of the Russian people lost its relevance. Moreover, further propaganda of the ideas of the Russian primacy could provoke a surge of nationalism among the peoples of the USSR. Therefore, the policy was rebuilt to position the Soviet state as the “great power” of all the peoples inhabiting it, albeit with Russian people at the head. In the final period of the war, the national policy contributed to the consolidation of the moral and political unity of the people and the army and led to the final defeat of Hitlerite Germany and its European allies” [Sinitsyn, p. 25–26].

In the 1940s, important events took place in the development of the Tatar national culture. In 1939, the Tatar Institute of Language, Literature and History named after G. Ibrahimov was organized. The years from 1940 to 1943 witnessed an interest of the Tatars in their legendary history. Folklore became one of the means of patriotic education of the masses. Dastans and bayts dear to the Tatar hearts returned to the pages of the national press: dastan “Idegey”, “Altynchech” (“The Golden-haired”), “Shahri Bolgar Baeta” (“A Bayt about the City of Bulgar”), “Nauruz Baete” (“A Bayt about Navruz”), “Janmas khan kyzy” (“The Fireproof Khan's Daughter”) [Gyumadi]. In the “On the

German-fascist aggression: An appeal of the representatives of the Muslim clergy to the faithful” G. Rasuli, after making official statements about the freedom of religion for Muslims in the USSR, gave a religious substantiation for the struggle of the Soviet Muslims against Nazism. “A congratulatory letter to the Tartar-front-line soldiers from the Tatar people”, published in “The Pravda” in March, 1943, was signed by 1.5 million people [Pozdravitel'noe pis'mo...].

In 1944, Kazan University opened Department of the Tatar Language and Literature (hereinafter – the Department), which trained researchers-philologists, professionals in Humanities, as well as teachers of the Tatar language and literature. In Tatar historiography and philology there are no fundamental works, which would systematize the material on the history of the Department during the first years of its creation. Researchers usually focus on the history of the development of Kazan Oriental Studies ([Bartold], [Kulikova], [Valeev], etc.). As historian I. A. Gilyazov rightly noted, “in recent years many theories have been put forward, interpreting such a move by Moscow, including those who see it as “guile” (taking control over the Tatar humanitarian thought) and “concession” (for the sake of mitigating the reaction to the decision of the Central Committee of the CPSU (b) of the same year 1944 on measures to improve the ideological work of the party organization in the Tatar ASSR). Be that as it may, the establishment of the <...> Department turned out to be a landmark event that positively influenced the development of the humanities and Tatar national culture” [Gilyazov, p. 6].

According to I. A. Gilyazov, “Kazan University, from the day of its foundation, was never indifferent to the culture, language and history of the Tatars. As early as in the first university charter of 1804, the teaching of the Tatar language was included in the curricula” [Ibid., p. 6], in 1807, the Oriental Division was created. However, in 1855, it was transferred to St. Petersburg University and Islamic studies in Kazan acquired a predominantly missionary anti-Islamic character. “In the first decades of the Soviet power, when the solution of “the national issue” became one of the most important tasks of the internal policy, the number of professors, teachers and students of Tatar origin increased significantly. This undoubtedly played a great role in the formation of Soviet Tatar intellectuals” [Ibid.].

In the late 1910s –1930s, the study of Tatar history, language and literature was conducted

mainly within the walls of the Oriental (later Kazan) Pedagogical Institute. By the end of the 1930s, most of its teachers had become subjects to repression. This process was accompanied by the mass destruction of literature in Arabic script.

The subject of the research in this work is the memories of teachers who were creators of the Tatar Language and Literature Department, as well as its first students. At our disposal, we had bibliographic reference books with the first and family names of the alumni of the Department and the Faculty of Tatar Philology of Kazan University. Their introductory articles contain fragmentary information about the creation of the Department [Tatar Faculty is 50], [Tatar Faculty is 60], [the Faculty of Tatar Philology and History].

In the archives of the Kazan University Scientific Library named after N. I. Lobachevsky, we found a manuscript of Professor Khatip Usmanov memoirs about “the formation of a new specialty” [Usmanov]. Our valuable sources of information were letters ([Gilyazov, 2013], [Gilyazov, 2014], [Gilyazov, 2016]), articles [Gilyazov, 1975], the story “Берәү” (“In the Light of Lightning”) [Gilyazov], a novel-remembrances of Ayaz Gilyazov “Йәрез, бер дора!” (“Let's Pray!”) [Gilyazov], as well as the letters and memories of his fellow students about their youth ([Mostafin], [Әһмәтҗанов]), [Nurullina]). The newspaper “Әдәби сүз” (1994), which is stored in the personal archive of Prof. M. Kh. Bakirov [Әдәби сүз], contains articles of teachers and students from the Department, which allow reconstructing the history of this education division.

Obviously, the news about the creation of the Tatar Language and Literature Department at Kazan University was enthusiastically welcomed by the Tatar people. “The Department of the Tatar Language and Tatar Literature was opened at Kazan University in 1944”, recalls Ayaz Gilyazov. “For me, this was great news: I will apply for admission! The path to a happy and glorious future from now on lies only through the university! I'll make it! I'll complete the course! I will turn this world upside down!” [Gilyazov, 2017, p. 78].

As H. Usmanov writes, the work on the formation of the department was conducted by Associate Professor Rabiga Afzalovna Hakimova, who, in short time, made admission offers to ten first year students [Usmanov, p. 1], [Tatar Faculty is 50, p. 10]. According to the scholar, the key problem of the new department was personnel shortage:

Professor M. Kurbangaliev died before the war started. In other educational and scientific institutions of

Kazan, very few professionals kept working. Many of them went to the front and few returned home. By the time the university department was opened, in the whole of Kazan, there were no more than two or three Candidates of Tatar philology, let alone Doctors. <...> The faculty of the Department numbered four staff units: its head, an expert in the Arabic language and two laboratory assistants. Of these, only the head had a degree of a Candidate [Usmanov, p. 1].

R. Khakimova was a disciple of N. Marr, a Russian and Soviet orientalist and Caucasian scholar, philologist, historian, ethnographer and archaeologist. Owing to the organizational skills of the Head, the new Department was brimming over with life. In the course of admission, examiners took into account not only the level of applicants' knowledge, but also their creative potential. As a result, a literary society and a propaganda team were created and a handwritten newspaper "Әдәби сүз" ("A Literary Word") began being issued at the Department.

Those were very hard times for the country. Future students of the Department, who later on became bright intellectuals, shared their impressions of Kazan:

Казанга мин сугыш беткән елны, көзлектә университетка укырга килдем. Иптәшәм Кәрәкәс авылы егете Хабибрахман Мөхәмәдиевнән аягында чабата иде. Мин кирза итектән, әни әйләндереп теккән солдат бушлаттыннан. ... Ялангачлар, ачлар. Тәҗрибәсезләр. Шулай да Казан тартып китерде, килдек, Казан кешеләре булдык... Без төрле жирләрдә туып, кыен ашый-ашый төрле сукмакларны изеп шушы ноктага, татар йөрөгән һәрчак жилкетеп торган шаушылы-шәүкәтле мәркәзәбезгә жыелдык. Без 1552 нче елда бабаларыбыз кулыннан киткән шәһәрне өр-янадан зулап алырга теләдек. –

I came to Kazan in the autumn of the year when the war was over. A village boy, Habibrahman Muhamadiyev, a native of the village of Caracas, wore bast shoes on his feet. I was wearing tarpaulin boots and a soldier's pea jacket turned inside out, altered by my mother. We were run down and hungry. Inexperienced. However, Kazan attracted us, we arrived to become Kazanians.... Coming from different places, having experienced many difficulties, moving along different paths, we gathered in one place, which was considered to be the famous Tatar capital, giving inspiration to the Tatar soul. We dreamed of re-conquering the city, which had been lost by our grandfathers in 1552 [Gilyazov, 1975, p. 62].

On entering the Tatar Language and Literature Department in 1945, Ayaz Gilyazov, like all other students, found himself among future well-known figures of Tatar Arts and Humanities. Those were

R. Gaynanov (textualist), A. Karimova (Candidate of Philology, Associate Professor), I. Nurullin (Doctor of Philology, Professor), F. Fasiev (Candidate of Philology), M. Akhmetzyanov (Candidate of Pedagogy) and others.

In the poem "Югалтылган бәхетнең кайтарылуы" ("The Return of Lost Happiness") Ayaz Gilyazov proudly writes that he became a student of the university where Lenin, Tolstoy and Gorky once studied. On behalf of his autobiographical character, named Alexei, he talks about students' everyday life:

Көн артыннан шулай уза көннәр, Һәм Алексей яши Казанда. Йөри лекциягә, «жомгалар»га, Вакыт табып шигыр язарга. [Гыйләжев, 2014, 120 б.]	Day after day, Alexei lives in Kazan. He attends lectures and "Fridays" (sessions of a literary society), And finds time for writing poems.
---	---

This is how R. Nurullina remembers the first year of her studies at KSU:

At the newly organized department students studied for four years. The Department was staffed with one teacher. It was the Head of the Department. Her name was Rabiga Afsalovna Khakimova. The rest of the teachers worked on an hourly rate and came to lecture from other universities, research and literary institutions. A very beautiful young girl, Zulfa Usmanova, also worked at the Department as a laboratory assistant. I used to know her well, since she was the daughter of Dr. Ismagil, well-known in our Novo-Tatar settlement. Due to the lack of full-time teachers, senior students, who were 5-6 years older, were appointed tutors of freshmen. Many of them were veterans, they wore military tunics and overcoats, and were already, as they used to say, quite sophisticated. The tutor of our course was Ibrahim Nurullin [Nurullin, p. 8].

H. Usmanov characterizes the students at the Department in 1951 in the following way:

Among them were many former participants and disabled war veterans, many had combat orders and medals, badges for heavy and light wounds, the bulk consisted of young men and women who had just reached adulthood. It was the youth of a very special destiny. The war broke out when they were teenagers. Their fathers and brothers went away to fight the enemy, the burden of labor in the rear lay on their mothers, on the elderly and to a great extent on the shoulders of these boys and girls. Under the hardest conditions of the military rear, they labored to raise grain for the front,

and at the factories, with their fledgling hands they made weapons to help soldiers defeat the enemy. Having matured early, they were serious in their studies [Usmanov, p. 1].

In the story “Берәү” (“In the Light of Lightning”), A. M. Gilyazov mentions that among the students there were “former front-line soldiers” who “kept wearing their military tunics and overcoats” and “intensely craved knowledge”. They kept to themselves and after lectures sat in libraries until dark. “They more often than others got coupons for extra food”. “Former front-line soldiers managed to obtain smaller rooms in their hostel” [Gilyazov, In the Light of Lightning, p. 71].

The financial situation of the department left much to be desired. A. M. Gilyazov remembers the difficulties of student life in such a way:

Сугыш беткән ел! Хәзерге геофак урнашкан бинада тулай торак. Без бер бүлмәдә кырыктан артык студент. Күпчелек ач, райондашым Кәрәкәс егете Хәбибрахман Мөхәммәдиевның аягында чабата. Ленин йөргән коридорлардан тып-тып басып йөри. Стипендия 115 сум, ә икмәкнең бер бөтене 400 тәңкә. Тулай торак ягылмый диярлек. Өстәл-урындыкларны, агач шкафларны ягып бетердек. Өстебездә бет мыжлап тора... Ә безгә һаман «иң бәхетле, иң ирекле, иң демократик ил!» дип укыталар. 7 ноябрьдә кар ятты, үтергеч суык, зәһәр жил. Ач корсақ, сәләмә киём, алты егет Сталин сүзләре язылган дәү, чи, авыр тактаны носилка өстенә бастырып куеп шәһәр урамнары буйлап барабыз... Көне буе сөйрәп йөргәч, университет артына кайтарып аударган идек, каяндыр тавыш: «Ипләп, кадерләп урынына кертеп куегыз!» Сирәк-мирәк өйдән күчтәнәч килә, бәрәңге уып пешергән чиле-пешле ипи... Азык-төлек юнәтер әмәлине белмибез, сала кабартмалары, шыр тилеләр... Кафедра мөдиребез Н. Я. Марр шәкерте Рабига Афзаловна гына күңелне күтәрә. –

The year of the end of the war! The hostel was located in the building which houses the Faculty of Geography today. In one room there were forty students. Most of us were starving, my fellow countryman, a native of the village of Caracas, Habibrahman Mukhamadiev, was wearing bast shoes on his feet. He treaded firmly – top-top – along the corridors, where Lenin once used to walk. Our grants were 115 rubles, and a loaf of bread cost 400 rubles. There was practically no heating in the hostel. We burnt all the chairs, tables, and wooden cabinets to warm ourselves. Our clothing was the realm of lice ... And we were continuously told that we lived “in the happiest, freest, and most democratic country”. On November 7, snow covered the ground, the cold wind blew heavily. Six guys in rags with an empty stomach had been carrying on a stretcher a damp, heavy board with Stalin's words in huge letters all day... When, feeling exhausted, we de-

cidied to drop the heavy burden behind the university building, we heard a voice: “Be careful, carefully lower it and put it in place”. It was very rarely that goodies from home came, raw bread baked with the addition of potatoes ... We did not know where to get food, we were village simpletons, naive fools ... Only the head of the department Rabiga Afzalovna, Marr's disciple, tried to cheer us up. [Gilyazov, 1975, p. 62].

The students of the department joined the circle of writers. In his diaries, I. Nurullin describes how he and his fellow students participated in prose sessions and theoretical seminars [Nurullina, p. 22].

Some of the free-thinking students were dissatisfied with an over-ideologized education at the Department. The son of a repressed priest from Kaluga, Alexander Kuznetsov, a former front-line soldier, became Ayaz Gilyazov's edifier, “үзе шагыйрь, гажәп белемле” (“a poet himself, very erudite”). A freshman admired his versatile knowledge of literature (read Shakespeare, Scott, Homer) and music (Strauss, Bizet, Rossini). Alexander Kuznetsov knew several languages, played the violin and wrote religious poems. Ayaz Gilyazov's friends, Ibrahim Nurullin (1923–1995) and Rashat Gainanov (1925–1990), recommended that he avoid contacts with the priest's son: “Син читләш, дус, Саша Кузнецовтан!” They believed that this friendship would get him into trouble, since this former front-line soldier plunged the Tatar student into the abyss of idealism. A. Kuznetsov brought banned literature to the university. It was thanks to him that A. Gilyazov got acquainted with the poetry of the Silver Age and got interested in the works by Merezhkovsky and Bryusov. A. Kuznetsov shared with him the secrets of translation skills [Gilyazov, 2013, pp. 120–121].

In his novel “Йәрез, бер дора!” (“Let's Pray!”), A. Gilyazov remembers his first year at the university:

It was unheard of for the glorified university to have the Tatar Department! To have students-Tatars in the college! From the day of their foundation, these two educational institutions had maintained a friendship and creative exchange of opinions. We were the only Tatar family! University students lectured to future actors, and they willingly attended the Literary Fridays in the Tukay Club and the meetings of the university literary society. In those days, you could meet not only students and teachers, but also influential, eminent writers at its meetings. I think that Latif-aha Zalya, who passionately loved the Tatar people, literature and his native language, did right to frequently come to the meetings of the literary society. Heated debates that arose during the discussion of Gumer Bashirov's novel “Намыс” (“Con-

science”), not ending in one session, continued with the same intensity in the subsequent sessions (N. Ishmukhametov's translation) [Gilyazov, *Let's pray*, p. 111].

According to the memoirs of Ayaz Gilyazov's fellow student M. Ahmetzyanov, R. Khakimova fought for each student:

Кафедра мәдире Рәбига Афзаловна Хәкимова Аязның талантын, потенциалын белә һәм аны студент итеп сакларга тели иде. Гадәттәгечә, Аяз мәсьәләне үзенчә хәл итте. –

Seeing his talent, the head of the department, Rabiga Afzalovna, tried to preserve Ayaz Gilyazov among students. However, as always, Ayaz solved the problem in his own way [Әхмәтҗанов, p. 21].

Ayaz Gilyazov's personal file contains his application addressed to the rector asking for exemption from tuition fees, since the scholarship was the only source of his existence. As a result, after studying for one semester, he dropped out of his studies due to financial difficulties and returned home.

Garif Akhunov, a well-known Tatar writer, writes the following about his hungry youth:

Чәнки университетта укыганда без кайберләребез, мәсәлән Яхъя Халитов белән мин, өчәр көн ач тора идек. 180 сум (нормаль акча исәбендә – 18 сум) безгә ярты айга гына житә, өйдән без бер тиен дә алмый идек». –

When we were at the university, some of us, for example, Yakhya Halitov and I, starved for three days. We had to live on one hundred and eighty rubles (after the monetary reform – it became 18 rubles) for a fortnight, we did not get a penny from home [Akhunov, p. 1].

Teachers fed hungry students. The university charged tuition fees. In the fourth year this amount was 300 rubles, so the students were forced to earn extra money. G. Akhunov and Ya. Khalitov got jobs as painters on a construction site.

Ayaz Gilyazov always spoke very warmly about his teachers. However, true to himself, he thought it necessary to share the following observation in his autobiographical novel “*Let's Pray!*”: “the university as a whole did not live up to my expectations”.

There was a deep abyss between reality and studies, the verbiage, presented as academic ideas, could not help us out in a hard and confusing life. Newspapers and magazines, cinema and theatrical performances kept raving about Lenin and Stalin ... Communists were praised to the skies. From the university rostrums, sweet-tongued lecturers convincingly presented the So-

viet way of life in Russia as the fairest and most wonderful, although in real life people were brought to fatal exhaustion by famine, hard labor and huge taxes. And most surprisingly: teachers achieved their goal! The majority of students were imbued with false, flawed ideas of Leninism, took them into service, becoming a herd of blind people ... [Gilyazov, p. 79].

When I was walking along corridors of the university - in 1945 – 1950, what did we know about the history of the Tatars ?! [Gilyazov, *Let's pray!*, p. 331].

Ayaz Gilyazov stated bitterly the lack of a holistic view of the history of the Tatars and Tatar culture in those years. The same idea was expressed by H. Usmanov, who headed the Department in 1951 after defending his Ph.D. thesis (R. Khakimova died suddenly after a long illness in 1952).

At that time the faculty numbered eight people on the staff list. The teacher of the Arabic language, Ayaz Ishmukhametov, a graduate of Beirut University, was already in his old age. The rest of the teachers were from among the youth.

The new head of the Department described the challenges he faced at the beginning of his work in a new place in the following way:

Lectures in the History of Tatar Literature from Antiquity were delivered with frequent violations of historical sequence, in fragments. One of the main reasons was the fact that the integral concept of the history of literature based on Marxism-Leninism was undeveloped; no one could reasonably explain why and when Turkic literature emerged in the Volga region and what stages it went through in its development. Moreover, the lectures were often built not on the direct knowledge of a particular monument, but were based on the available information about this monument. The monuments themselves were either stored in the country's repositories, or in foreign countries. Publications of certain works disappeared in wartime, the surviving single copies no longer met the modern scientific requirements. <...> Part of the history of literature was of descriptive nature, it was not scientifically substantiated: when and under what historical circumstances the Turkic-speaking (Tatar) literature of the Volga region could emerge, what were the stages of its ascent to our days. Hence the inadequate historical-theoretical substantiation for the development of literature, the lectures mostly contained Marxist aesthetic ideas and arguments. Quite frequent were the cases when lectures were reduced to a simple story of the authors' biographies (if preserved) and to the presentation of the content of their works [Usmanov, p. 10].

There were times when a lecture was read about works whose texts were not available in our country. Not only the students, but also the teachers could not get acquainted with them. At the same time, it was known

that the manuscripts of the most outstanding works, executed in the Middle Ages, were kept in Paris, London, the University of Leiden and in some other countries [Ibid., p. 10-11].

The situation was no better with the manuscripts that were kept by the population and in the repositories of our country. Their single publications did not meet the scientific requirements. Firstly, for many centuries Tatars had created many original works; secondly, simultaneously, they had brought many works of southern peoples, southern countries to the Volga region. The copyists did not always reproduce the original data of the work. Over time, it became difficult to distinguish between what was local and what was imported. The copyists were often tolerant towards serious distortions and errors in the reproduction of certain word-combinations in the text. After the Great Patriotic War, some of the works were republished, but the existing distortions were not corrected, in some cases even new ones were added. The Tatars had never been guided by the principles of textology. However, as early as at the beginning of the 19th century, poet G. Utyz-Imyani (1754-1834) compiled the consolidated text of Kul-Gali's "Kyysa and Yusuf" from many existing manuscripts of ancient poems, clearing it from obvious adscititious elements and distortions. His undertaking, however, was not continued [Ibid., p.11].

Ayaz Gilyazov and Garif Akhunov remembered their teachers with nostalgia: R. Khakimova, Prof. L. Zalyae, M. Gainullina, H. Usmanov, G. Kashshaf, Sh. Ramazanov, B. Yagafarov, D. Safin and M. Tarasov. They remember their disputes and arguments at the sessions of the literary society, the work of their propaganda team [Akhunov, p. 2], [Gilyazov, 1975, p. 62]. In his memoirs about Ayaz Gilyazov, R. Mustafin notes that he worked hard to improve himself by self-directed learning.

Тәбәнәгрәк буйлы, базык гәүдәле, имән төбе кебек нык егет бер күрүдә үз-үзенә түгәрәк күзлек пыялалары артындагы акыллы, үткер күз карашы белән жәлеп итте. Үз-үзенә бик нык ышанган, зур максатларга омтылучы, сәләтле кеше иде ул. Башка укучылар лекция белән канәгатьләнсәләр, ул исә профессорлар биргән белем белән чикләnmичә, кич саен диярлек, китапханәләрдә казына иде. Тыелган, ул вакытта «халык дошманнары» дип исәпләнгән язучылар – Галимжан Ибраһимов, Кәрим Тинчурин, Хәсән Туфан әсәрләрен әллә каян табып, аларны жентекләп өйрәнәп, алар турында үз фикерләрен туплый иде. –

A guy of short stature, strong build, solid as an oak stump, always attracted attention with his intelligent, piercing gaze from under round glasses. He was a talented man, self-sufficient and persistently pursuing his goals. Unlike most students who were satisfied with the amount of knowledge provided in the university lectures, he strived to learn more sitting up in the library

every night. He shared his impressions of forbidden books written by Galimzyan Ibragimov, Karim Tinchurin, Hassan Tufan, who were declared "enemies of the people" [Mostafin, p. 104].

Writer Garif Akhunov studied at the Department in 1947–1952. According to his memoirs, there were thirteen students in his year. In the future, they became members of the Writers' Union of the Tatar Soviet Socialist Republic, among them were Mahmud Husaen, Robert Bikmukhametov, Yakhya Halitov, Farit Khatipov, Rezeda Valeeva, Shagida Maskhudova and Garif Ahunov. The rest have expressed themselves in the field of science. These are Candidates of Philology, Associate Professors Rosalina Sabirova-Nurullina and Marat Sagitov, editors Robert Gataullin and Sania Sibgatullina. Vasil Khadiev became a teacher and created the Musa Jalil Museum in Menzelinsk. Alfiya Zainullina became a librarian in the Kemerovo region.

They have good memories of Getel Yakovlevna Chechel'nitskaya, who taught foreign literature and historian Grigory Naumovich Vul'fson. It is with pride that Garif Akhunov recalls that the students of the Tatar Department received the same amount of knowledge in Russian and foreign philology as the students of Russian [Akhunov, 2 b.].

In their memoirs, A. Gilyazov, I. Nurullin, and G. Akhunov mention that the students enjoyed visiting the sessions of the literary society where they presented their works ([Akhunov], [Gilyazov, Let's pray !, pp. 78–79], [Nurullina, 22–24]). Thus, I. Nurullin strongly recommended that A. Gilyazov return to the university in order to re-enter the creative environment:

“Фәсеев, Гайнанов, Мәжитов, Тимергалин һ.б. кебек кешеләр, алар алтын кешеләр бит.”

– “People like Faseev, Gainanov, Mazitov, Timergaliev, etc., these people are made of gold”

In his letter, he welcomes the successes of his friends: Gainanov's and Mazitov's poems were to be published in “Совет әдәбияты” (the Soviet Literature), Faseev won a literary contest and received 200 rubles as a reward; Galimzyanov participated in the compilation of a dialectological dictionary [Nurullin, p.106-107].

A year later, Ayaz Gilyazov returned to the university, and was sternly rebuked for the stories he had read at the sessions of the literary society: The article “From the Wrong Standpoint” was published in the newspaper “The Leninet’s”

(08.04.1949, No. 12/314) and the arrest followed [Gilyazov, Let's Pray!, p. 123].

Garif Ahunov reminisces about the students' everyday life:

Безнең татар бүлегендә әдәби түгәрәк эшли иде. Аның жаны булып фронтовик Ибраһим ага Нуруллин, Мәхмүт Хөсәен, Рәшад Гайнанов санала иде. Рафик Тимергалин дә алар белән иде. «Әдәби сүз» газитен чыгарырга мине дә тарттылар. Мин кече яштың рәсем ясарга әвәс булганлыктан, гәзитне мин бизим, мәкаләләр дә язгалый идем. Шулу вакытта Яхья Халитов белән без икәү факультет стена гәзитен дә чыгара идек эле. Яхья да, мин дә стенгәзитнең рәссамнары идек. Ул ай саен чыга һәм без ай саен унар метр озынлыгындагы гәзитнең мәкалә башларын язабыз, карикатуларын ясайбыз... Карикатурага Яхья аеруча оста иде. Аның рәсемнәрен карагач, Григорий Наумович Вульфсон егыла-егыла келә торган иде. Григорий Наумович Вульфсон стенгәзитнең баш редакторы иде, ул безнең акчага тилмергәнне күреп, кесәсенә кәңфит-прәннек тутьрып килә торган иде. –

There was a literary society at the Tatar Department. Its life and soul was the former front-line soldier Ibrahim Nurullin, Mahmud Khusain, and Rashat Gainanov. Adler Timergalin joined them. I was involved in issuing the newspaper "Литературное слово (The Literary Word)". As I had been fond of drawing since my childhood, I was asked to design a newspaper, incidentally, I began to write articles. Together with Yakhya Khalitov we also issued a faculty newspaper. For the wall newspaper, both Yahya and I did the job of artists. It was issued monthly and we drew headlines in a ten-meter newspaper and caricatures in its headings ... Yahya was especially talented in this respect. Looking at his drawings, Grigory Naumovich Vulfson could not help laughing. He was the editor-in-chief of the newspaper; knowing that we are starving because of a shortage of staples, he treated us to candy-cakes (Akhunov, p. 1).

There were scientific societies at the Department. Thus, for example, Garif Akhunov attended F. Faseev's society. "Fazil was a great-hearted man", as I. Nurullin remembers him in his diary. "He was passionate and fiery. Natural as a forest, and the forest is more beautiful than city parks" [Nurullina, p. 20].

At its meeting, the Department of Tatar Language and Literature developed concrete measures aimed to overcome the existing problems:

- The shortage of faculty members was supposed to be overcome by means of the teachers' professional development and by educating young people;

- The formation of a textological corpus - by obtaining copies of monuments of the Turkic-Tatar script found in the world;

- By textual research into manuscripts available in scientific circulation and their publication;

- By organizing archaeological, folklore, and dialectological expeditions on an ongoing basis;

- By the development of a scientific conception of the history of Tatar literature and language, from antiquity to our days, on the basis of Marxism-Leninism;

- By planning and systematizing students, graduate students, and teachers' scientific research with subsequent implementation of its results in the educational process at the Department.

The University administration strongly recommended that the head of the Department recruit the members of the staff not from among the graduates of the Department but by attracting new employees in order to avoid the "monotone color" of the team: "We need experts who have been to the schools of different scholars. These people will bring new useful skills in scientific research and pedagogical activity at your Department. Simultaneously, through them, you will be able to establish contacts with the experts of their schools" [Usmanov, p. 5]. One of such experts was Dilyara Garifovna Tumasheva, a graduate of the Turkic Department of Moscow State University who had a Ph.D. in Philology.

H. Usmanov hails the decision of the Department to focus its scientific research on the internal patterns, which the development of the Tatar language follows, as well as to study the emergence and development of critical and socialist realism in the Tatar literature. These were the areas, which the students, graduate students and members of the Department were to choose as the subject matter of their scientific activities. The teachers were tasked to develop special courses and special seminars on the basis of their topics.

Great progress was made in training highly qualified personnel. Quite a number of Ph.D. (candidate) dissertations on Tatar language and literature were presented, and the Department was eager to educate Doctors of Philology and Linguistics from among its staff:

I defined my theme as "Socialist Revolution and Tatar Poetry", D. Tumasheva decided to work on the dialect of the Siberian Tatars, M. Zakiev explored the Tatar language syntax system, I. Nurullin focused on the emergence and development of critical realism in Tatar literature. <...> By the end of the fifties, the first man got this high degree. He was Latif Zalai, called the fa-

ther of Tatar dialectology by the newspaper "Pravda" [Ibid., P. 16].

In October 1962, "the first postwar presentation of the doctoral thesis on philology was held at Kazan University, actually it was the first doctoral thesis on Tatar philology (L. Zalay and M. Gainullin presented their theses in Moscow)". The opponents of H. Usmanov's work "were not only local researchers, but also scientists from Moscow and other cities. All this aroused a keen interest of the public. The assembly hall of the University Chemistry Building was literally packed full. There was a heated discussion of the problems raised in the thesis. Philologists, historians, writers took the floor". The sitting lasted five hours. "For me this was not only a great trial, but also a serious lesson that made me more clearly understand the pros and cons of my scientific conception", the doctoral applicant recalls [Ibid., p. 18]. Soon M. Zakiev presented his doctoral thesis.

In order to overcome the shortage of qualified teachers of the Arabic language, a decision was made "to transfer a group of students from the Department of Tatar Philology to the Faculty of Oriental Studies at Leningrad University with a view to prepare professionals in the field of the Arabic and Persian languages" (Ibid., p. 14). Five students were selected. With the support of the University authorities and Moscow, student Ildar Aikhadiyev was sent to study at Cairo University. The Department was really lucky to have Arabist Mirza Ismagilovich Makhmutov, who was fluent in Tatar, Russian, Arabic, English and a number of Turkic languages.

Great work was performed to improve the financial situation of the Department. Usmanov recalls that the Department had no proper typewriters and duplicating machines of the Zetaprint type, which hindered textual research of the materials collected during expeditions. Soon, as he writes, the Department was equipped with photocopiers, a photo lab, typewriters with Arab-Persian keyboards and LETI devices. Later, a lecture room was equipped with closed-circuit television, tape recorders were purchased for dialectological expeditions and other things.

Usmanov left the following memories about the issues concerning the staffing of the Department:

The Rectorate allocated money for the preparation of Arabic script calligraphists from among students. In that case, it was Baky Urmache, the People's Artist of the RSFSR, the famous calligrapher of the Arabic script,

who met our needs. Simultaneously, typists of the Arabic script were prepared from among the students. We really needed people who could read ancient, sometimes worn-out texts of Arabic writing, and not only read, but also comment on their content and compile dictionaries. There were no such experts among the young. We turned to older people –those retired from service. The Rectorate allocated vacancies for temporary employment of these professionals.

Among them was Zainab Khanum Maksudova. She was over seventy, but she had clear vision, enviable memory and a steady hand at calligraphy skills. She was fluent in the Russian language (was a teacher), Arabic, Persian and all Turkic languages. ...

By that time we had already received photocopies of outstanding monuments of medieval Tatar literature from Paris, London and Leiden, as well as from the storerooms of this country. The task was to investigate the issues of language, literature and history in their interrelations following a single plan. Above all, all three sections needed, reliable texts of fictional works, historical documents, business papers, etc. It meant urgent development of the science of textology.

As for linguistics, the issues of dialectology, history of the language and its morphology remained highly topical. No less relevant were the issues of the history of the Tatars. The search for manuscripts of previously unknown works and written monuments, their reading and textual research were of great interest to all. The Department of the History of the USSR had a permanently functioning archaeological expedition (headed by M. Usmanov), the Department of the Tatar Language had a dialectological one (headed by D. Tumashev) and at the Department of Literature there was an expedition, which collected folklore. They constantly enriched our funds with valuable, sometimes unique findings [Ibid., p. 26].

The Department of the Tatar Language and Literature was soon divided into two independent specialized departments.

A decision was made to recruit graduate students from among gifted students from other departments. The choice fell on the students of history, M. Usmanov and A. Mukhammadiev. To begin with, an individual schedule of studies was arranged for them to master "Tatar Philology" and "History of the USSR". The efforts turned out to be beneficial.

In the future, M. Usmanov became a Doctor of History, a Professor, Head of the Department of History of the USSR, the pre-October period, A. Mukhammadiev got a degree of a Candidate of Sciences, he became an expert in numismatics. Among the graduate students, the undisputed leaders in the area of scientific research were Yulduz and Engel Nigmatullins, children of the repressed Tatar literary critic Galimzyan Nigmati.

During the early period of their development, the departments faced many challenges and solved unexpected complex problems. In the course of their activities, they revealed and corrected annoying flaws in the scientific practices of the staff. However, the clear goals, that were supposed to be achieved by all means, encouraged the members of the faculty,

concludes H. U. Usmanov [Ibid., p. 29].

This purposeful work, aimed to increase the scientific potential of the Department, soon bore fruit. Usmanov willingly describes them:

The successful solution of various problems concerning Turkic Studies allowed our staff to make their reports and take an ever more active part in all-Union and all-Turcological scientific conferences and hold such conferences in Kazan. This manifested the broadening of narrow national frameworks for our researchers who were able to enter the wide world of science, existing in this country. We also established relations with foreign Turkic centers. The connections of the Tatar Language Department with the Turkologists of the Hungarian People's Republic were especially stable. It is gratifying that our scientific works entered the book exchange system of the university, as well as the country as a whole with the countries of the West and the East. <...> During this time, the Department prepared dozens of post-graduate students from among gifted youth. The Academic Council for the Defense of Candidate and Doctoral Dissertations functioned at the faculty. The best representatives of the philological science of Kazan participated in its work, as well as prominent Turkologists from Moscow, Leningrad and the Union republics who came as official opponents. <...> Completed works were published without any delay. The turn of the 1960's and 1970's was a turning point in this respect. In 1969, the Publishing house "Nauka" issued the book "Modern Tatar Literary Language", compiled by a team of linguists from Kazan, members of our staff were among them. In 1971, the Publishing house of our university published a critical text of an ancient poem (1370), next year it was the poem "Khosrov and Shirin" (1342), consisting of 11,000 verses, then a collection of poems of the 18th century previously unknown to readers. "Gylystan Bit Türki" (1391) by poet Saif Sarai was fully prepared for the publication (published in two parts in 1979). It should be taken into account, that the last three editions reproduce the ancient texts according to the requirements of modern science, exactly in the same way as the inscription of the monuments of Arabic graphics. In 1971, a voluminous monograph in Russian by N. Nurullin entitled "The Way of Maturity" (on the origin and development of critical realism in Tatar literature) was published. In 1972, it was Usmanov's monograph "Tatar Historical Sources of the 17th -18th Centuries, in 1972 – "The Harmony of the Verse" and in 1973 "Modern Tatar Poetics" – a monograph by N. Yuzeev. For these works N. Yuzeev was awarded the G. Tukay State Prize of the Tatar Autonomous Soviet So-

cialist Republic. In the same year, 1973, S. Sh. Sadret-dinov's monograph "The Oeuvre of Sagit Ramiev" was published. I joined these authors: my research entitled "The Story of the Verse" came out, it rejects the outdated concept of the two origins of the Turkic verse - Turkic and Arabic; instead, a monistic concept of the source of the Turkic-speaking peoples' verse is put forward and proved based on the facts from the ancient oral and written monuments [Ibid., pp. 27-29].

The memories of the teachers and students from the Department of Tatar Philology allowed us to reconstruct one of the most vivid pages in the history of national education at Kazan University. Today, this priceless experience is also in demand. In the 1950s, the cohort of professionals and enthusiasts created a powerful foundation for the future development of the Tatar historical and philological science.

In 1989, an independent philological faculty, which included the Tatar division, was established at Kazan University. The successor of this faculty is the Institute of Philology and Intercultural Communication named after Leo Tolstoy with a successfully functioning the Higher School of Tataristics and Turkic Studies named after G. Tukay. Today, this Higher School prepares bachelors and masters, professionals in the Tatar and other Turkic languages, who know literature and cultural values of the Tatar and Turkic peoples. There are six departments: the Department of Tatar Literature, the Department of Tatar Linguistics, the Department of General Linguistics and Turkology, the Department of Language and Intercultural Communication, the Department of Tataristics and Culture Studies and the Department of Design and National Arts.

The Higher School has a successfully functioning post-graduate (Ph.D.) and Doctoral courses, the Dissertation Council for Candidate (Ph.D.) and Doctoral dissertations specializing in the Tatar language and literature; educational and research laboratories "Ecology of the Tatar Language", "Cultural Linguistics and Lexicography", "Literary and Theatre Criticism", "Turkology and Intercultural Communication", "Graphic Design and Publishing" (in collaboration with the Tatar Book Publishing house), Student Theater "Mizgel" ("A Moment"), etc.

The most significant projects implemented by the staff of the Higher School in recent years are as follows:

Establishment of Kayum Nasyri Institute in Kazan and its centers in Astana (in Eurasian National University named after L. N. Gumilev, the

Republic of Kazakhstan), in Bishkek (in Kyrgyz-Russian Slavonic University named after B. N. Yeltsin, Kyrgyz Republic), in Moscow, in St. Petersburg, in Ufa, in Yekaterinburg, in Penza and Cheboksary (the mission of the Institute is to promote the Tatar and Russian languages outside the Republic of Tatarstan);

Establishment of Center for International Language Certification in the Tatar language;

“Ana Tel”, an online school of the Tatar language;

Project “First Linguistic Aid”;

Annual International Summit (Forum) “Preservation and Development of Languages and Cultures”, etc.

Since 2013, under the auspices of the President of the Republic of Tatarstan, international scientific journal “Tatarica” has been published by the Higher School. The journal is issued in three languages (English, Tatar and Russian) and meets modern world standards. It publishes research on the Tatar language, literature, culture, history and education. The International Editorial Board of the journal includes well-known Turkologists and Tatar scholars, who are successfully engaged in research in various fields. The issues of the journal are sent to the leading libraries, universities and research centers of the world. In 2015, the journal “Tatarica” was included in the world's largest database EVSSO, which opens access to the world audience.

Graduates of the Higher School are very much in demand. They successfully work in education, in state, municipal and cultural institutions, in mass media, in tourist and translation agencies, etc.

References

Akhunov, G. (1994). *Student iellary hətiräläre. Ədəbi suz* [Memories of University Years. Literary Speech]. (A Draft Copy). 2 p. (In Tatar)

Ahmetjanov, M. (2006). *Student Aiaz Gil'iazov ənə shundyi ide. Aiaz Gil'iazov: İstəleklər* [That's What Student Ayaz Gilyazov Was Like. Ayaz Gilyazov: Memories]. Tez. I. Gil'iazov, pp. 20 – 21. Kazan. Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)

Adabi suz (1994) [Literary Speech]. (A Draft Copy). 10 p. Kazan, KSU. (In Tatar)

Bartol'd, V. V. (1977). *Obzor deiatel'nosti fakul'teta vostochnykh iazykov. Sochinienia* [Review of the Activities of the Faculty of Oriental Languages]. T. IX. Raboty po istorii vostokovedeniya. 966 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Gainullin, M. (1943). *Shihap Marjani* [Shihap Marjani]. Sovet ədəbiiate. No. 12, 63 p. (In Tatar)

Geroicheskoe proshloe russkogo naroda v khudozhestvennoi literature (1941) [The Heroic Past of the

Russian People in Fiction]. 75 p. Moscow-Leningrad, izd-vo Akademii nauk. (In Russian)

Gil'iazov, A. M. (2017). *Davaite pomolimsia!* [Let's Pray!]. 511 p. Kazan', Tat.kn.izd-vo. (In Russian)

Gil'iazov, A. M. (2017). *Pri svete zarnits* [In the Light of Lightning]. 511 p. Kazan', Tat.kn.izd-vo. (In Russian)

Gil'iazov, I. A. (2005). *Doroga dal'nyaya, tsel' – vechnaya* [It's a Long Way and It's an Eternal Goal]. Tatarskii mir. No. 5. URL: <http://www.tatworld.ru/article.shtml?article=724§ion=0&heading=0> (accessed: 19.02.2018). (In Russian)

Gil'iazov, A. M. (1975). *Kupne kətebez!* [A Lot of Waiting!] Kazan utlary. No. 9, pp. 62–65. (In Tatar)

Gil'iazov, A. (2013). *Sailanma əsərlər* [Selected Works in Six Volumes]. T.1. 720 p. Kazan. Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)

Gil'iazov, A. (2014). *Sailanma əsərlər* [Selected Works in Six Volumes]. T.2. 720 p. Kazan. Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)

Gil'iazov, A. (2016). *Sailanma əsərlər* [Selected Works in Six Volumes]. T.6. 783 p. Kazan. Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)

Glотова, O. A. (2004). *A. A. Zhdanov: ideologicheskaya deiatel'nost' v 20–40-e gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [A. A. Zhdanov: Ideological Activity in the 1920s–1940s: Ph.D. Thesis]. 273 p. Moscow. (In Russian)

Gyumadi, H. (1943). *Urta Idel bue halykarynyn tatar mongollar igosyna karshi kərəshe tarihyndan* [From the History of the Struggle of the Peoples from the Middle Volga Region with the Tatar-Mongol Yoke]. Sovet ədəbiiate. No. 5, 84 p. (In Tatar)

Kulikova, A. M. (1994). *Vostokovedenie v rossiiskikh zakonodatel'nykh aktakh (konets XVII v. – 1917 g.)* [Oriental Studies in Russian Legislative Acts (the Late 17th Century - 1917)]. A. M. Kulikova; Ros. A N, Sankt-Peterburg. fil. In-ta vostokovedeniya. 436 p. St. Petersburg, Tsentr “Peterburg. Vostokovedenie”. (In Russian)

Mostafin, R. (2006). *Suzlär əitelmi kaldy. Aiaz Gil'iazov: İstəleklər* [No Words Left. Ayaz Gilyazov: Memories]. Tez. I. Gil'iazov. P. 104. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)

Nurullin, I. (2006). *Shulai, brat... Aiaz Gil'iazov: İstəleklər* [So, Brother... Ayaz Gilyazov: Memories]. Tez. I. Gil'iazov. Pp. 106–107. Kazan, Tatar. kit. nəshr. (In Tatar)

Nurullina, R. (2013). *Ibragim Nurullin v vospominaniakh* [Ibrahim Nurullin in Memoirs]. 216 p. Kazan', OOO Izdatel'skii dom Makovskogo. (In Russian)

Ponomarev, A. N. (2004). *Aleksandr Shcherbakov: stranitsi biografii* [Alexander Shcherbakov: Pages of Biography.]. 272 p. Moscow, izd-vo Gosarkhiva. (In Russian)

Pozdravitel'noe pis'mo tataram-frontovikam ot tatarskogo naroda (1943) [Congratulatory Letter to the Tartars-Front-Line Soldiers from the Tatar People]. Pravda. 5 marta. (In Russian)

Rubtsov, Yu. V. (2003). *Iz-za spiny vozhdia: Politicheskaya i voennaia deiatel'nost' L. Z. Mekhlisa* [From behind the Leader's Back: Political and Military Activities of L. Z. Mekhlis.]. 256 p. Moscow, Kompania Ritm esteit. (In Russian)

Sinitsyn, F. L. (2009). *Natsional'naiia politika v SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [National Policy in the USSR during the Great Patriotic War (1941-1945): Ph.D. Thesis Abstract]. Moscow, 27 p. (In Russian)

Tatar fakul'tetyna 50 el (1994) [Tatar Faculty Is 50 Years Old]. 70 p. Kazan, Shökli fëkhem. (In Tatar)

Tatar fakul'tetyna 60 el (2004) [Tatar Faculty Is 60 Years Old]. 143 p. Kazan, Shökli fëkhem. (In Tatar)

Tatar filologia häm tarikhly fakul'tety (2004) [The Faculty of Philology and History]. 42 p. Kazan, B i. (In Tatar)

Usmanov, Kh. U. *Formirovanie novoi spetsial'nosti. Rukopis'* [Creation of a New Specialty. A Manuscript]. 33 p. (In Russian)

Valeev, R. M. (1998). *Kazanskoe vostokovedenie: Istoki i razvitie (XIX v. – 20-e gg. XX v.)* [Kazan Oriental Studies: Origins and Development (the 19th century–the 1920s)]. 377 p. Kazan', izd-vo Kazan. un-ta. (In Russian)

Zhukov, Yu. N. (2000). *Tainy Kremliia. Stalin, Molotov, Beria, Malenkov* [Secrets of the Kremlin. Stalin, Molotov, Beria, Malenkov]. 184 p. Moscow, Terra. (In Russian)

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ОТДЕЛЕНИЯ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ В КАЗАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В ВОСПОМИНАНИЯХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И ПЕРВЫХ СТУДЕНТОВ

Ради́ф Рифка́тович Зама́летдинов,
Казанский федеральный университет,
Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18,
director.ifmk@gmail.com.

Милеуша Мухаметзяновна Хабутдинова,
Казанский федеральный университет,
Россия, 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18,
mileuscha@mail.ru.

В статье систематизирован архивный материал по истории становления национального образования в Казанском университете. Впервые вводятся в научный оборот воспоминания Х. Усманова, в 1950-е гг. возглавившего кафедру татарского языка и литературы. На основе анализа воспоминаний, писем, дневников преподавателей и первых студентов отделения татарского языка и литературы реконструируется жизнь и деятельность новой образовательно-научной структуры. В ходе анализа выявлены основные направления работы кафедры татарского языка и литературы в послевоенное десятилетие. Кратко обозначены научные достижения первых десятилетий существования нового отделения, послужившего базой для дальнейшего развития татарского филологического образования в СССР.

Ключевые слова: Казанский университет, татарская филология, отделение татарского языка и литературы, национальная политика в области образования, национальные кадры.

Советская историография длительный период была проводником идеи «нерушимой дружбы народов», и только начиная с 1980-х гг. стали появляться работы, позволяющие очертить масштаб коренного перелома в области национальной политики СССР в 1941–1945 гг. ([Пономарев], [Жукова], [Рубцов], [Глотова], [Синицын] и др.). Известно, что в первый период Великой Отечественной войны, наряду с фактором советского патриотизма и дружбы народов, стал эксплуатироваться русский национальный фактор.

Знаковым событием стало издание книги «Героическое прошлое русского народа в художественной литературе» (1941) [Героическое прошлое...]. Спасение страны и социализма виделось в превращении войны в отечественную, национальную, а не классовую. В коммунистическую идеологию стали внедряться национально-патриотические лозунги. Духовно-культурные ценности дореволюционной России были объявлены великим достоянием СССР. Это была вынужденная уступка, что привело к коренному

повороту в ходе войны. Как указывает Ф. Л. Сеницын, «во второй период войны (ноябрь 1942 г. – январь 1944 г.), когда сохранялись как угроза стране, так и преобладающее участие русского народа в усилиях по отражению агрессии, как на фронте, так и в тылу советское руководство усилило использование русского национального фактора, который стал в этот период ведущим в национальной политике. <...> В заключительный период войны (январь 1944 г. – май 1945 г.) советское руководство осознало, что после коренного перелома в войне и „интернационализации“ армии педалирование национальных и патриотических чувств русского народа потеряло актуальность. Мало того, дальнейшая пропаганда идей русского первенства могла спровоцировать всплеск национализма среди народов СССР. Поэтому политика была перестроена на позиционирование Советского государства как „великой державы“ всех народов, его населяющих, хотя и „во главе“ с русским народом. Национальная политика в заключительный период войны способствовала упрочению морально-политического единства народа и армии и окончательному разгрому гитлеровской Германии и ее европейских союзников» [Сеницын, с. 25–26].

В 1940-е гг. произошли важные события в развитии татарской национальной культуры. В 1939 г. организуется Татарский институт языка, литературы и истории имени Г. Ибрагимова. В 1940–1943 гг. наблюдается интерес татар к своей легендарной истории. Фольклор превращается в одно из средств патриотического воспитания народных масс. На страницы национальной прессы вернулись названия дорогих для татарского сердца дастанов и баитов: дастан «Идегей», «Алтынчәч» («Золотоволосая»), «Шәһри Болгар бәете» («Баит о городе Булгар»), «Науруз бәете» («Баит о Наурузе»), «Янмас хан кызы» («Несгорающая ханская дочь») [Гыймади]. В пантеон национальных героев вновь стали включаться великие имена. Так, было признано, что деятельность Шигабутдина Марджани способствовала пробуждению народного самосознания [Гайнуллин]. В «Обращении представителей мусульманского духовенства к верующим по поводу немецко-фашистской агрессии» после официальных заявлений о свободе вероисповедания для мусульман в СССР Г. Расули дал религиозное обоснование борьбе советских мусульман против нацизма. «Поздравительное письмо татарам-фронтовикам от татарского народа», опубликованное в «Правде» в марте 1943 г., подпи-

сало 1,5 млн. человек [Поздравительное письмо...].

В 1944 г. в Казанском университете открывается отделение татарского языка и литературы (далее – отделение), где осуществлялась подготовка ученых-филологов, специалистов-гуманитариев широкого профиля, а также учителей татарского языка и литературы. В татарской историографии и филологии нет фундаментальных работ, где был бы систематизирован материал по истории функционирования отделения в первые годы его создания. Исследователи обычно концентрируют свое внимание на истории развития Казанского востоковедения ([Бартольд], [Куликова], [Валеев] и др.). Как верно подметил историк И. А. Гилязов, «в последние годы выдвигалось множество „теорий“, интерпретирующих такой шаг Москвы, в том числе усматривающих в нем „коварство“ (взять под контроль татарскую гуманитарную мысль) и „уступку“ (ради смягчения реакции на постановление ЦК ВКП(б) того же 1944 года о мерах по совершенствованию идеологической работы партийной организации Татарской АССР). Как бы там ни было, создание отделения <...> оказалось знаковым событием, положительно повлиявшим на развитие гуманитарных наук и татарской национальной культуры» [Гилязов, с. 6].

По мнению И. А. Гилязова, «Казанский университет со дня его основания не был безразличен к татарской культуре, языку и истории татар. Уже в соответствии с первым университетским уставом 1804 года в учебные планы было включено преподавание татарского языка» [Там же, с. 6], в 1807 г. был создан Восточный разряд. Однако в 1855 г. он был переведен в Санкт-Петербургский университет, исламоведение в Казани стало носить преимущественно миссионерский антиисламский характер. «В первые десятилетия Советской власти, когда решение „национального вопроса“ стало одной из важнейших задач внутренней политики, в университете значительно увеличилось число профессоров, преподавателей и студентов из татар. Это, несомненно, сыграло большую роль в формировании советской татарской интеллигенции» [Там же].

В конце 1910–1930-х гг. изучение татарской истории, языка и литературы проходило преимущественно в стенах Восточного (затем Казанского) педагогического института. Большая часть его преподавателей к концу 1930-х гг. была репрессирована. Этот процесс сопровож-

дался массовым уничтожением литературы на арабском шрифте.

Предметом исследования в данной работе стали воспоминания преподавателей – создателей отделения татарского языка и литературы, а также первых студентов. В нашем распоряжении оказались библиографические справочники с фамилиями и именами студентов-выпускников отделения и факультета татарской филологии Казанского университета. В них имеются вступительные статьи, где содержатся отрывочные сведения о создании отделения [Татар факультетына 50 ел], [Татар факультетына 60 ел], [Татар филологиясе һәм тарихы факультеты].

В архиве Научной библиотеки КФУ им. Н. И. Лобачевского мы обнаружили рукопись воспоминаний профессора Хатиба Усманова о «формировании новой специальности» [Усманов]. Ценными источниками информации стали письма ([Гыйләжев, 2013], [Гыйләжев, 2014], [Гыйләжев, 2016]), статьи [Гыйләжев, 1975], повесть «Берәү» («При свете зарниц») ([Гилязов. При свете зарниц], роман-воспоминание Аяза Гилязова «Йәгез, бер дога!» («Давайте помолимся!») [Гилязов, Давайте помолимся!], а также письма и воспоминания о студенческой юности его однокурсников ([Мостафин], [Әхмәтжанов]), [Нуруллина]). В газете «Әдәби сүз» (1994), которая хранится в личном архиве профессора М. Х. Бакирова [Әдәби сүз], содержатся статьи преподавателей и студентов отделения, которые позволяют реконструировать историю этой образовательной структуры.

Очевидно, что известие о создании отделения татарского языка и литературы в Казанском университете вызвало небывалый подъем в среде татарского народа. «В сорок четвертом в Казанском университете открылась кафедра татарского языка и татарской литературы, – вспоминает Аяз Гилязов. – Для меня эта новость стала настоящим праздником: буду поступать! Путь к счастливому и славному будущему отныне пролегает только через университет! Поступлю! Выучусь! Переверну этот мир с ног на голову!» (пер. Н. Ишмухаметова) [Гилязов, 2017, с. 78].

Как пишет Х. Усманов, работа по формированию отделения велась доцентом Рабигой Афзаловой Хакимовой, которой удалось в короткие сроки набрать 10 студентов на первый курс [Усманов, с. 1], [Татар факультетына 50 ел, 10 б.]. Ключевой проблемой нового отделения, по мнению литературоведа, явился кадровый голод:

Профессор М. Курбангалиев скончался еще перед самым началом войны. В других учебных и научных учреждениях Казани их также осталось крайне мало. Многие ушли на фронт и мало кто вернулся домой. Ко времени открытия университетского отделения во всей Казани насчитывалось не более двух-трех кандидатов татарской филологии, не говоря уже о докторах. <...> В штатном расписании кафедры значилось четыре штатные единицы: заведующий, специалист по арабскому языку и два лаборанта. Из них только заведующий имел ученую степень кандидата [Усманов, с. 1].

Р. Хакимова была ученицей Н. Марра, российского и советского востоковеда и кавказоведа, филолога, историка, этнографа и археолога.

Благодаря организаторским способностям заведующей кафедрой, жизнь на новом отделении забила ключом. Во время набора абитуриентов преподаватели обращали внимание не только на уровень их знаний, но и на их творческий потенциал, здесь заработали литературный кружок и агитбригада, стала выпускаться рукописная газета «Әдәби сүз» («Литературное слово»).

Это были очень сложные для страны годы. Вот с каким настроением приезжали в Казань абитуриенты, будущие студенты отделения, а в последующем – яркие представители татарской интеллигенции:

Казанга мин сугыш беткән елны, көзлектә университетка укырга килдем. Иптәшәм Кәрәкәс авылы егете Хабибрахман Мөхәмәдиевнен аягында чабата иде. Мин кирза итектән, эни әйләндереп теккән солдат бушлатыннан. ... Ялангачлар, ачлар. Тәжрибәсезләр. Шулай да Казан тартып китерде, килдек, Казан кешеләре булдык... Без төрле жирләрдә туып, кыен ашый-ашый төрле сукмактарны изеп шушы ноктага, татар йөрәген һәрчак жилкетеп торган шаушылы-шәүкәтле мәркәзәбезгә жыелдык. Без 1552 нче елда бабаларыбыз кулыннан киткән шәһәрне өр-янадан яулап алырга теләдек. –

Я приехал в Казань осенью, в год, когда закончилась война. На ногах сельского паренька Хабибрахмана Мухамадиев, уроженца деревни Каракас, были лапти. Я был в кирзовых сапогах, а на плечах вывернутый наизнанку солдатский бушлат, перешитый матерью. ... Раздетые, голодные. Неопытные. Однако Казань притянула нас к себе, мы приехали, стали Казанскими жителями.... Уроженцы из разных мест, пережив немало трудностей, двигаясь по разным тропам, мы собрались в одном месте, которое считается знаменитой татарской столицей, дарующей вдохновение татарской душе. Мы мечтали завоевать заново город, который был утрачен наши-

ми дедами в 1552 г. [Гыйләжев, 1975, 62 б.] (подстр. пер. здесь и далее наш – Р. З., М. Х.).

Поступив на отделение татарского языка и литературы в 1945 г., как и все его студенты, Аяз Гилязов оказался в среде будущих известных деятелей татарской науки и культуры. Это Р. Гайнанов (текстолог), А. Каримова (кандидат филологических наук, доцент), И. Нуруллин (доктор филологических наук, профессор) Ф. Фасиев (кандидат филологических наук), М. Ахметзянов (кандидат педагогических наук) и др.

В стихотворении «Югалтылган бәхетнең кайтарылуы» («Возвращение потерянного счастья») Аяз Гилязов с гордостью пишет о том, что стал студентом вуза, где учились Ленин, Толстой, Горький. От лица автобиографического героя, по имени Алексей, так рассказывает о студенческих буднях:

Көн артыннан шулай уза көннәр, Һәм Алексей яши Казанда. Йөри лекциягә, «жомгалар»га, Вақыт табып шигыр язарга. [Гыйләжев, 2014, 120 б.]	За днем текут дни чередой, И Алексей живет в Казани. Ходит на лекции, на «пятницы» (литературные кружки. – Р. З., М. Х.), Время находит для написания стихов. (подстрочный пер.)
---	---

Р. Нуруллина так вспоминает о первом годе своей учебы в КГУ:

На только что организованном отделении было всего 4 курса. В штате числилась одна преподавательница. Она же была заведующей отделением. Звали ее Рабига Афзаловна Хакимова. Остальные же преподаватели были почасовиками и приходили читать лекции из других вузов, а также научных и литературных организаций. На кафедре работала также очень красивая молодая девушка – лаборантка Зульфа Усманова. Я ее хорошо знала, так как она была дочерью известного в нашей Ново-Татарской слободе доктора Исмагила. Из-за того, что штатных преподавателей не хватало, кураторами младших курсов часто назначали старшекурсников, которые были на 5–6 лет старше. Многие из них прошли фронт, носили гимнастерки и шинели, и были уже, как говорится, познавшими жизнь. Куратором нашего курса был назначен Ибрагим Нуруллин [Нуруллин, с. 8].

Х. Усманов дает следующую характеристику контингенту студенчества на отделении в 1951 г.:

Среди них было немало участников и инвалидов войны, многие имели боевые ордена и медали, знаки тяжелых и легких ранений, основную массу составляли юноши и девушки только что достигшие совершеннолетия. Это была молодежь особой судьбы. Война их застала подростками. Их отцы и братья ушли сражаться с врагом, вся тяжесть труда в тылу легла на их матерей, на стариков и в не малой части на плечи этих юношей и девушек. Они в тяжелейших условиях военного тыла своим трудом растили хлеб для фронта, а на заводах своими еще не окрепшими руками ковали оружие для разгрома врага. Рано возмужавшие, они и в учебе были серьезными [Усманов, с. 1].

В повести «Берәү» («При свете зарниц») А. М. Гилязов отмечает, что среди студентов были «бывшие фронтовики», которые «донашивали гимнастерки и шинели» и были «полны жажды знаний». Они держались особняком, после лекций сидели в библиотеках до темноты. «Им чаще, чем остальным, выдают талоны на дополнительное питание». «Бывшие фронтовики сумели отвоевать себе в общежитии комнаты поменьше» [Гилязов, При свете зарниц, с. 71].

Материальное положение отделения оставляло желать лучшего. А. М. Гилязов так вспоминает о трудностях студенческого быта:

Сугыш беткән ел! Хәзерге геофак урнашкан бинада тулай торак. Без бер бүлмәдә кырыктан артык студент. Күпчелек ач, райондашым Кәрәкәс егете Хәбибрахман Мөхәммәдиевнең аягында чабата. Ленин йөргән коридорлардан тып-тып басып йөри. Стипендия 115 сум, ә икмәкнең бер бөтене 400 тәңкә. Тулай торак ягылмый диярлек. Өстәлурындыкларны, агач шкафларны ягып бетердек. Өстебездә бет мыжлап тора... Ө безгә һаман «иң бәхетле, иң ирекле, иң демократик ил!» дип укыталар. 7 ноябрьдә кар ятты, үтергеч суык, зәһәр жил. Ач корсак, сәләмә киём, алты егет Сталин сүзләре язылган дәү, чи, авыр тактаны носилка өстенә бастырып куеп шәһәр урамнары буйлап барабыз... Көне буе сөйрәп йөргәч, университет артына кайтарып аударган идея, каяндыр тавыш: «Ипләп, кадерләп урынына кертеп куегыз!» Сирәк-мирәк өйдән күчтәнәч килә, бәрәңге уып пешергән чиле-пешле ипи... Азык-төлек юнәтер әмәлне белмибез, сала кабартамалары, шыр тилеләр... Кафедра мөдиребез Н. Я. Марр шәкерте Рабига Афзаловна гына күңелне күтәрә. –

Год окончания войны! Общежитие располагалось в здании, где сегодня находится геофак. В одной комнате сорок студентов. Большинство из нас голодало, у моего земляка, уроженца деревни Каракас Хабибрахмана Мухамадиева, на ногах лапти. Ходит он твердо – топ-топ – по коридорам, где в свое время ходил и Ленин. Стипендия 115 рублей, а

буханка хлеба стоит 400 рублей. Общежитие практически не отапливается. Мы уничтожили ради топki все стулья-столы, деревянные шкафы. В одежде царство вшей... А нам все талдычат, что мы живем «в самой счастливой, самой свободной, самой демократической стране». 7 ноября образовался снежный покров, сильно дул холодный ветер. Шесть парней в отрепьях, у которых свело желудок от голода, целый день таскаем на носилках сырую, тяжелую доску, на которой были выведены огромными буквами слова Сталина... Когда, устав за день, мы решили сбросить тяжелую ношу за зданием университета, услышали чей-то голос: «Осторожно, бережно спускайте и поставьте на место». Очень редко приходят гостинцы из дома, сырой хлеб, испеченный с добавлением картошки... Мы не знаем, где добыть себе пропитание, деревенские простофили, наивные дурачки... Нам старается поднять настроение лишь заведующая кафедрой Рабига Афзаловна, ученица Марра (Подстр. пер.) [Гыйләжев, 1975, 62 б.].

Студенты отделения входили в писательскую среду. И. Нуруллин в своих дневниках описывает, как с однокурсниками участвовал в заседаниях секции прозы, в работе теоретических семинаров [Нуруллина, с. 22].

Излишняя идейно-политическая направленность в организации образовательного процесса вызывала недовольство у части свободомыслящих студентов отделения. Наставником Аяза Гилязова становится Александр Кузнецов, фронтовик, сын репрессированного священника из Калуги, «үзе шагыйрь, гажәп белемле» («сам поэт, очень эрудированный»). Студент-первокурсник восхищается его разносторонними знаниями в области литературы (читал Шекспира, Скотта, Гомера), музыки (Штраус, Бизе, Россини). Александр Кузнецов знал несколько языков, играл на скрипке, писал религиозные стихи. Друзья – Ибрагим Нуруллин (1923–1995) и Рашат Гайнанов (1925–1990) рекомендовали Аязу Гилязову избегать контактов с поповским сыном: «Син читләш, дус, Саша Кузнецовтан!». Они считали, что эта дружба не доведет его до добра, так как фронтовик погружает татарского студента в пучину идеализма. А. Кузнецов приносил в университет запрещенную литературу. Именно благодаря другу, А. Гилязов познакомился с поэзией серебряного века, увлекся Мережковским и Брюсовым. А. Кузнецов поделился с ним секретами переводческого мастерства [Гыйләжев, 2013, 120–121 б.].

В романе «Йәгез, бер дога!» («Давайте помолимся!») А.М. Гилязов так вспоминает о первом годе обучения в университете:

Это же уму непостижимо: в прославленном университете – татарское отделение! В училище – студенты-татары! Эти два учебных заведения со дня основания жили в дружбе и творческом обмене мнениями. Мы были единственной татарской семьей! Студенты университета читают лекции будущим артистам, а они с интересом посещают литературные пятницы в клубе Тукая и заседания университетского литературного кружка. В те времена на заседаниях литкружка можно встретить не только студентов и преподавателей, но и авторитетных, именитых писателей. Считаю, что не прошли бесследно частые визиты на занятия литкружка Латифага Залая, человека, беззаветно влюбленного в татарский народ, литературу и родной язык. Жаркие споры, возникшие во время обсуждения романа Гумера Баширова «Намус» («Совесть»), не закончившись за одно занятие, с тем же накалом продолжались на последующих (пер. Н. Ишмухаметова) [Гилязов, Давайте помолимся, с. 111].

По воспоминаниям однокурсника А. М. Гилязова М. Ахметзянова, Р. Хакимова боролась за каждого студента:

Кафедра мәдире Рәбига Афзаловна Хәкимова Аязның талантын, потенциален белә һәм аны студент итеп сакларга тели иде. Гадәттәгечә, Аяз мәсьәләне үзенчә хәл итте. –

Заведующая кафедрой Рабига Афзаловна стремилась удержать студента Аяза Гилязова, видя в нем талант, потенциал. Однако, как всегда, Аяз проблеме разрешил по-своему (подстр. пер.) [Әхмәтжанов, 21 б.].

В личном деле студента Аяза Гилязова хранится заявление в адрес ректора с просьбой освободить от оплаты за обучение, так как стипендия была единственным источником его существования. В итоге, проучившись 1 семестр, он, бросив учебу из-за материальных трудностей, вернулся на родину.

Известный татарский писатель Гариф Ахунов так пишет о своей голодной юности:

Чөнки университетта укыганда без кайберләребез, мәсәлән, Яхья Халитов белән мин, өчәр көн ач тора идек. 180 сум (нормаль акча исәбендә – 18 сум) безгә ярты айга гына житә, өйдән без бер тиен дә алмый идек». –

Когда мы учились в университете, некоторые из нас, например я и Яхья Халитов, голодали по три дня. 180 рублей (после денежной реформы – это 18 руб.) нам хватало на полмесяца, из дома мы не получали ни копейки (подстр. пер.) [Ахунов, с. 1].

Преподаватели подкармливали студентов. Обучение в университете было платным. Так,

на четвертом курсе эта сумма составляла 300 руб., поэтому студенты вынуждены были подрабатывать. Г. Ахунов вместе с Я. Халитовым устроились на стройку малярами.

О своих преподавателях А.М. Гилязов всегда отзывается очень тепло. Однако, верный себе, считал необходимым поделиться в автобиографическом романе «Давайте помолимся!» следующим наблюдением: «университет в целом не оправдал моих надежд».

Между действительностью и учебой – непреодолимая пропасть, выдаваемое нам за научные идеи пустословие невозможно применить в многотрудной и малопонятной жизни. В газетах и журналах, в кино и на театральном подмостках сплошное восхваление Ленина-Сталина... Вознесение коммунистов до небес. С университетских кафедр сладкоголосые преподаватели убедительно преподносили нам советский уклад жизни России как справедливый и прекраснейший, хотя на самом-то деле люди были доведены до смертельного истощения голодом, каторжным трудом и неподъемными налогами. И что самое удивительное: преподаватели достигали своей цели! Огромная часть студентов прониклась лживыми, ущербными идеями ленинизма, взяла их на вооружение, по собственной воле превратившись в стадо слепцов... (пер. Н. Ишмухаметова) [Гилязов. Давайте..., с. 79].

Когда я отирал аудитории и коридоры университета – в сорок пятом, в пятидесятом году, что мы знали об истории татар?! (пер. Н. Ишмухаметова) [Там же, с. 331],

– с горечью констатирует А.М. Гилязов отсутствие целостного представления об истории татар и татарской культуре, имевшее место в эти годы. На это указывает и Х. Усманов, возглавивший кафедру в 1951 г. после защиты кандидатской диссертации (Р. Хакимова скоропостижно скончалась после длительной болезни в 1952 г.).

На кафедре к тому времени в штатном расписании было 8 ставок. Преподаватель арабского языка Аяз Ишмухаметов, выпускник Бейрутского университета, уже был в преклонном возрасте. Остальные преподаватели были из числа молодежи.

Новый заведующий кафедрой так характеризует проблемы, с которыми он столкнулся на первых порах работы на новом месте:

Лекции по истории татарской литературы, начиная с древности, читались с частыми нарушениями исторической последовательности. Обрывками. Одна из главных причин была неразработанность

целостной концепции истории литературы на основе марксизма-ленинизма; никто аргументированно не мог объяснить, почему и когда появилась тюркоязычная литература в Поволжье и какие этапы прошла она в своем развитии. Вдобавок к этому лекции преподавателей очень часто строились не на непосредственном знании того или иного памятника, а на основе имеющихся сведений об этом памятнике. Сами памятники либо продолжали лежать в хранилищах страны, либо в зарубежных странах. Публикации отдельных произведений исчезли в условиях военного времени, сохранившиеся единичные экземпляры уже не отвечали современным требованиям науки. <...> В части истории литературы господствовало описательство, не было научно обосновано, когда и при каких исторических обстоятельствах могла возникнуть тюркоязычная (татарская) литература Поволжья, каковы этапы ее восхождения к нашим дням. Отсюда крайне слабо было историко-теоретическое обоснование развития литературы, а также наполненность лекций марксистскими эстетическими идеями и аргументацией. Нередки были случаи, когда лекции сводились к простому рассказу биографии автора (если она сохранилась) и изложению содержания его произведений [Усманов, с. 10].

Бывали случаи, когда читалась лекция о произведениях, тексты которых не имелись у нас. С ними не могли познакомиться не только студенты, но и сами преподаватели. В то же время было известно, что списки наиболее выдающихся произведений средневековья, выполненные тогда же, хранятся в Париже, в Лондоне, в Лейденском университете и в некоторых других странах [Там же, с. 10–11].

Неблагополучно было и с теми рукописями, которые находились у населения, в хранилищах нашей страны. Единственные издания их не отвечали научным требованиям. Во-первых, татары на протяжении многих веков создавали немало оригинальных произведений; во-вторых, в то же самое время они завозили в Поволжье немало произведений южных народов, южных стран. Переписчики не всегда воспроизводили исходные данные сочинения. Со временем создалось такое положение, в котором трудно стало различать, что является местным и что завезенным. Переписчики зачастую допускали серьезные искажения в тексте, ошибки в воспроизведении отдельных выражений. После Великой Отечественной войны некоторые произведения были переизданы, однако имеющиеся искажения в них не исправлялись, в иных случаях даже допускались новые. Татары никогда не руководствовались принципами науки текстологии. Правда, еще в начале XIX века поэт Г. Утыз-Имяни (1754–1834) из многих списков древних поэм Кул-Гали «Кыйсса и Юсуф» составил ее сводный текст, освободив от явных наносных элементов и искажений. Начинание его, однако, не было продолжено [Там же, с. 11].

Аяз Гилязов и Гариф Ахунов с ностальгией вспоминают о своих преподавателях: Р. Хаки-

мовой, проф. Л. Заляе, М. Гайнуллине, Х. Усманове, Г. Кашшафе, Ш. Рамазанове, Б. Ягафарове, Д. Сафине, М. Тарасове; о диспутах и спорах на литературном кружке, о работе агитбригады [Ахунов, 2 б.], [Гыйләжев, 1975, 62 б.]. Р. Мустафин в своих воспоминаниях об Аязе Гилязове отмечает, что он много работал над собой, занимаясь самообразованием:

Тәбәнәгрәк буйлы, базык гәүдәле, имән төбе кебек нык егет бер күрдә үз-үзенә түгәрәк күзлек пыялалары артындагы акыллы, үткер күз карашы белән жәлеп итте. Үз-үзенә бик нык ышанган, зур максатларга омтылучы, сәләтле кеше иде ул. Башка укучылар лекция белән канәгәтләнсәләр, ул исә профессорлар биргән белем белән чикләнмичә, кич саен диярлек, китапханәләрдә казына иде. Тылган, ул вакытта «халык дошманнары» дип исәпләнгән язучылар – Галимжан Ибраһимов, Кәрим Тинчурин, Хәсән Туфан әсәрләрен әллә каян табып, аларны жентекләп өйрәнәп, алар турында үз фикерләрен туплый иде. –

Парень невысокого роста, крепкого телосложения, твердый, как дубовый пень, всегда привлекал к себе внимание умным, пронзительным взглядом из-под круглых очков. Он был талантливым человеком, который верил в свои способности, четко следовал к своей цели. Если большинство студентов удовлетворялись лекциями преподавателей, он себя не ограничивал знаниями, которые давали профессора, каждый вечер засиживался в библиотеке. Он делился своими впечатлениями от прочитанных запрещенных книг писателей Галимзяна Ибрагимова, Карима Тинчурина, Хасана Туфана, которые были объявлены «врагами народа» (подстр. пер.) [Мостафин, 104 б.].

Писатель Гариф Ахунов учился на отделении в 1947–1952 гг. Согласно его воспоминаниям, у них на курсе училось 13 человек. В будущем из их среды выросли члены Союза писателей ТАССР Махмуд Хусаен, Роберт Бикмухаметов, Яхъя Халитов, Фарит Хатипов, Резеда Валеева, Шагида Масхудова, Гариф Ахунов. Остальные заявили о себе на ниве науки. Это кандидаты филологических наук, доценты Розалина Сабирова-Нуруллина и Марат Сагитов, редакторы Роберт Гатауллин и Сания Сибгатуллина. Василь Хадиев стал учителем и создал музей Мусы Джалиля в Мензелинске. Альфия Зайнуллина стала библиотекарем в Кемеровской области.

Добрый след оставила в их душе Гетель Яковлевна Чечельницкая, преподававшая зарубежную литературу, историк Григорий Наумович Вульфсон. С гордостью Гариф Ахунов вспоминает, что объем знаний по русской и зару-

бежной филологии студенты татарского отделения получили в равном объеме со студентами-русистами [Ахунов, 2 б.].

В своих воспоминаниях А. Гилязов, И. Нуруллин и Г. Ахунов отмечают, что студенты с удовольствием посещали литературный кружок, где презентовали свои произведения ([Ахунов], [Гилязов, Давайте помолимся!, с. 78–79], [Нуруллина, 22–24]). Так, И. Нуруллин настоятельно рекомендует А. Гилязову вернуться учиться в университет, чтобы вновь влиться в творческую среду:

Фасеев, Гайнанов, Мәжитов, Тимергалин һ. б. кебек кешеләр, алар алтын кешелер бит. – Такие люди, как Фасеев, Гайнанов, Мазитов, Тимергалиев и др., это ведь люди-золото (подстр. пер).

С удовлетворением в письме он отмечает успехи друзей: стихи Гайнанова, Мазитова должны быть напечатаны в «Совет эдәбияты» («Советской литературе»), Фасеев выиграл литературный конкурс и получил 200 рублей в награду; Галимзянов участвует в разработке диалектологического словаря [Нуруллин, с. 106–107].

Аяз Гилязов вернулся через год в университет, и рассказы, прочитанные на литературном кружке, навлекли на него гневную отповедь – статью «На неправильных позициях» в газете «Ленинец» (08.04.1949, № 12/314) и арест [Гилязов, Давайте..., 123 с.].

Гариф Ахунов так вспоминает о буднях студенческой жизни:

Безнең татар бүлегендә әдәби түгәрәк эшли иде. Аның жаны булып фронтовик Ибраһим ага Нуруллин, Мәхмүт Хөсәен, Рәшад Гайнанов санала иде. Рафик Тимергалин дә алар белән иде. «Әдәби сүз» газитен чыгарырга мине дә тарттылар. Мин кече яшьтән рәсем ясарга әвәс булганлыктан, гәзитне мин бизим, мәкаләләр дә язгалый идем. Шулу вакытта Яхъя Халитов белән без икәү факультет стена гәзитен дә чыгара идек эле. Яхъя да, мин дә стенгәзитнең рәссамнары идек. Ул ай саен чыга һәм без ай саен унар метр озынлыгындагы гәзитнең мәкалә башларын язабыз, карикатуларын ясыбыз... Карикатурага Яхъя аеруча оста иде. Аның рәсемнәрен карагач, Григорий Наумович Вульфсон егыла-егыла көлә торган иде. Григорий Наумович Вульфсон стенгәзитнең баш редакторы иде, ул безнең акчага тилмергәнне күрәп, кесәсенә кәңфит-пәннек тутырып килә торган иде. –

На татарском отделении работал литературный кружок. Его душой были фронтовик Ибрагим Нуруллин, Махмуд Хусаин, Рашат Гайнанов. С ними был и Адлер Тимергалин. К выпуску газеты «Лите-

ратурное слово» привлекли и меня. Так как я с детства любил рисовать, то мне поручили оформление газеты, попутно я стал писать и статьи. Вместе с Яхьей Халитовым мы еще выпускали факультетскую газету. И Яхья, и я были в стенгазете художниками. Она выпускалась ежемесячно и мы рисовали заголовки для десятиметровой газеты, карикатуры в ее рубрики... Особенно талантлив в этом был Яхья. Григорий Наумович Вульфсон, рассматривая его рисунки, не мог удержаться от смеха. Григорий Наумович Вульфсон был главным редактором газеты; зная, что мы голодаем из-за нехватки средств существования, он угощал нас конфетами-пряниками [Ахунов, с. 1].

На отделении работали научные кружки. Так, например, Гариф Ахунов посещал кружок Ф. Фасеева. «Фазыл – идеальной души человек, – отзывается о нем в своем дневнике И. Нуруллин, – страстный и пламенный. Естественен, как лес, а лес красивее городских парков» [Нуруллина, с. 20].

На заседании кафедры татарского языка и литературы были разработаны конкретные меры по преодолению возникших проблем:

- кадровый голод предполагалось преодолеть через повышение квалификации имеющих педагогов и подготовку кадров из числа молодежи;
- формирование текстологического корпуса через приобретение копий памятников тюрко-татарской письменности в мире;
- текстологическое исследование имеющих в научном обороте рукописей и их издание;
- организация археографических, фольклорных, диалектологических экспедиций на постоянной основе;
- разработка научной концепции истории татарской литературы и языка начиная от древности и до наших дней на основе марксизма-ленинизма;
- планирование и систематизация научной работы студентов, аспирантов, преподавателей с последующим оперативным внедрением ее результатов в учебный процесс на отделении.

Ректорат настоятельно рекомендовал зав. кафедрой формировать штатный состав кафедры за счет «свежих сил» не из числа специалистов-выпускников отделения, чтобы избежать «одноцветности» коллектива: «Надо привлекать специалистов, прошедших школу разных ученых. <...> Эти люди привнесут в вашу кафедру новые полезные навыки научного исследования и педагогической деятельности. Одно-

временно через них установите связи со специалистами их школ» [Усманов, с. 5]. Одним из таких специалистов оказалась Диляра Гарифовна Тумашева, выпускница тюркологического отделения МГУ и имевшая ученую степень кандидата филологических наук.

С удовлетворением Х. Усманов отмечает, что в кратчайшие сроки «определилась главная цель научной работы: исследовать внутренние закономерности развития татарского языка, а также возникновения и развития критического и социалистического реализма в татарской литературе». В этом русле определялась тематика научных работ студентов, аспирантов и каждого члена кафедры. Перед преподавателями была поставлена задача разработать на базе своих тем программы спецкурсов и спецсеминаров.

Большие подвижки произошли и в деле подготовки кадров высшей квалификации. Поставив на поток защиту кандидатских диссертаций по специальности, кафедра стала стремиться к воспитанию докторов наук из числа преподавателей:

Я определил себе тему «социалистическая революция и татарская поэзия», Д. Тумашева решила работать над диалектом сибирских татар, М. Закиев взял тему о системе синтаксиса татарского языка, И. Нуруллин – о возникновении и развитии критического реализма в татарской литературе. <...> К исходу пятидесятих годов появился первый человек, удостоенный этой высокой степени. Им был Латиф Заляй, названный газетой «Правда» отцом татарской диалектологии [Там же, с. 16].

В октябре 1962 г. состоялась «первая послевоенная защита докторской диссертации по филологии в Казанском университете и вообще первой докторской по татарской филологии (до того Л. Заляй и М. Гайнуллин защищались в Москве)». Оппонентами диссертации Х. Усманова «выступили не только местные, но и ученые Москвы и других городов. Все это вызвало живой интерес общественности. Актный зал химического корпуса университета буквально был переполнен. По проблемам, затронутым в диссертации, завязалась острая дискуссия. Выступали филологи, историки, писатели». Заседание длилось 5 часов. «Для меня это было не только большим испытанием, но и серьезной школой, позволившей яснее осознать сильные и слабые стороны своей научной концепции», – вспоминает сам диссертант [Там же, с. 18]. Вскоре защитил докторскую диссертацию М. З. Закиев.

Чтобы ликвидировать кадровый голод в области преподавания арабского языка, было принято решение «о переводе группы студентов отделения татарской филологии в Ленинградский университет на факультет востоковедения с целью подготовки из них специалистов арабского и персидского языков» [Там же, с. 14]. Было отобрано 5 человек. Студента Ильдара Айхадиева при поддержке руководства вуза и Москвы направили на учебу в Каирский университет. Настоящей удачей стало появление на кафедре арабиста Мирзы Исмагиловича Махмутова, в совершенстве владеющего татарским, русским, арабским, английским и рядом тюркских языков.

Огромная работа велась по улучшению материальной базы отделения. Х. Усманов вспоминает, что на кафедре не было соответствующих пишущих машинок и множительных аппаратов типа Zetaprint, что служило препятствием для текстологического исследования текстов, собранных в результате экспедиций. Вскоре, как он пишет, кафедра была оснащена аппаратами ксерокопий, фотолабораторией, пишущими машинками с арабо-персидской клавиатурой, аппаратами ЛЭТИ. Несколько позднее была оборудована лекционная аудитория замкнутого телевидения, приобретены магнитофоны для диалектологических экспедиций и т. д.

В части расширения штатного расписания отделения Х. Усманов оставил следующие воспоминания:

Ректорат выделил средства для подготовки каллиграфистов арабского письма из числа студентов. В этом деле навстречу нам шел народный художник РСФСР, известный каллиграфист арабского письма Бакый Урманче. Одновременно подготовили машинисток арабского письма из числа своих студенток. Мы очень нуждались в людях, умеющих читать древние, иногда истертые тексты арабского письма, и не только читать, но и прокомментировать их содержание, составлять их словари. Таких знатоков среди молодых уже не было. Мы обратились к людям старшего поколения – пенсионерам. Ректорат выделил единицы для временного зачисления этих специалистов в штат.

Среди них была Зайнаб ханум Максудова. Ей тогда было за семьдесят, но она обладала ясным зрением, завидной памятью, устойчиво выдержанной каллиграфией. Она в совершенстве владела русским языком (была учительницей), арабским, персидским и всеми тюркскими языками. ...

К тому времени нами уже были получены фотокопии выдающихся памятников средневековой татарской литературы из Парижа, Лондона, Лейдена, а также из хранилищ своей страны. Была поставлена

задача исследовать проблемы языка, литературы и истории в их взаимосвязях, согласно единому плану. Все три раздела нуждались прежде всего в достоверных текстах художественных произведений, исторических документов, деловых бумаг и т. п. Появлялась настоятельная необходимость в разветвлении науки текстологии.

По части языкознания особо актуальными оставались проблемы диалектологии, истории языка и его морфологии. Не менее актуальны были и проблемы истории народа. Изыскание рукописей до того неизвестных произведений, письменных памятников, их прочтение и текстологическое исследование горячо интересовало всех, создавалась при кафедре истории СССР постоянно действующая археографическая экспедиция (руководитель – М. Усманов), при кафедре татарского языка – диалектологическая (руководитель – Д. Тумашева), при кафедре литературы – экспедиция по сбору фольклора. Они постоянно обогащали наши фонды ценнейшими, иногда уникальными, находками [Там же, с. 26].

Из кафедры татарского языка и литературы вскоре выделились две самостоятельные профильные кафедры.

Было принято решение набирать аспирантов из числа одаренных студентов других специальностей. Выбор пал на студентов-историков М. Усманова и А. Мухаммадиева, которых перевели для начала на индивидуальный график обучения по специальностям «татарская филология» и «история СССР». Это принесло свои результаты. М. Усманов в будущем стал доктором исторических наук, профессором, заведующим кафедрой истории СССР дооктябрьского периода, А. Мухаммадиев – кандидатом наук, специалистом по нумизматике. В среде аспирантов безусловными лидерами научной работы были Юлдуз и Энгель Нигматуллины, дети репрессированного татарского литературоведа Галимзяна Нигмати.

Период становления и развития кафедр был насыщен преодолением трудностей, решением неожиданно возникающих сложных задач, выявлением в ходе работы досадных изъянов в научных познаниях самих кадров и выправлением их. Однако ясный характер целей, которые полагалось достичь непременно, ободрял членов нашего коллектива, –

приходит к выводу Х. У. Усманов [Там же, с. 29].

Целенаправленная работа по наращиванию научного потенциала кафедры вскоре дала свои результаты. О них Х. Усманов с удовлетворением написал следующее:

Успешное решение тех или иных проблем общетюркологического значения позволило нашим сотрудникам принимать все более активное участие и выступать со своими докладами на научных конференциях общесоюзного, общетюркологического значения и созывать такие конференции у себя в Казани. В этом выражался выход нашего коллектива из узких национальных рамок в широкий мир науки нашей страны. Установились также связи с зарубежными тюркологическими центрами. Особенно стабильный характер носили связи кафедры татарского языка с тюркологами Венгерской Народной республики. Отрадно, что наши научные труды вошли в систему книгообмена университета, а также страны в целом со странами Запада и Востока. <...> За это же время были подготовлены десятки аспирантов из числа одаренной молодежи. При факультете функционировал Ученый совет по защите кандидатских и докторских диссертаций. В его работе участвовали лучшие представители филологической науки Казани, а также в качестве официальных оппонентов – крупные тюркологи Москвы, Ленинграда и Союзных республик. <...> Готовые труды публиковались, без особой задержки. Рубеж 60–70-х годов в этом отношении был переломным. В 1969 г. в издательстве «Наука» вышла книга «Современный татарский литературный язык», составленная коллективом языковедов Казани, куда вошли и наши сотрудники. В 1971 г. в издательстве нашего университета вышел критический текст древней поэмы» (1370 г.), в следующем году поэма «Хосров и Ширин» (1342), объемом в 11.000 стихов, затем был издан сборник стихотворений XVIII века, ранее неизвестный читателям. Был полностью подготовлен к печати «Гулистан бит-тюрки» (1391) поэта Сайф Сараи (издан в двух частях в 1979 г.). При этом в последних трех изданиях древние тексты воспроизведены, согласно требованиям современной науки, точно по начертанию самих памятников арабской графики. В 1971 г. вышла объемистая монография Н. Нуруллина на русском языке «Путь зрелости» (о зарождении и развитии критического реализма в татарской литературе), в 1972 монография М. Усманова «Татарские исторические источники XVII–XVIII вв., в 1972 – «Гармония стиха» и в 1973 г. «Современная татарская поэтика» – монографии Н. Юзеева. За эти труды Н. Юзееву была присуждена Государственная премия им. Г. Тукая Татарской АССР. В том же 1973 году вышла из печати монография Ш. Садретдинова «Творчество Сагита Рамиева». К этим авторам присоединился и я: вышло мое исследование под названием «Строй стиха», в котором отвергается устаревшая концепция о двух – тюркском и арабском – истоках тюркского стиха; взамен выдвигается монистическая концепция истока стиха тюркоязычных народов, что и доказывается на фактах древнейших устных и письменных памятников [Там же, с. 27–29].

Воспоминания преподавателей и студентов отделения татарской филологии позволили нам реконструировать одну из ярких страниц истории национального образования в Казанском университете. Этот бесценный опыт востребован и поныне. Когорта профессионалов и энтузиастов создала в 1950-е гг. мощный фундамент для развития татарской исторической и филологической науки в будущем.

В 1989 году в Казанском университете был образован самостоятельный филологический факультет, в составе которого оказалось татарское отделение. Правопреемником этого факультета стал Институт филологии и межкультурной коммуникации им. Льва Толстого, где успешно функционирует Высшая школа татаристики и тюркологии им. Г.Тукая (далее – Высшая школа).

Сегодня данная Высшая школа готовит бакалавров и магистров, профессионально владеющих татарским и другими тюркскими, а также английским и китайским языками, знающих литературу и культурные ценности тюркских народов. В ее состав входят 6 кафедр: кафедра татарской литературы, кафедра татарского языкознания, кафедра общего языкознания и тюркологии, кафедра языковой и межкультурной коммуникации, кафедра татаристики и культуроведения, кафедра дизайнера и национальных искусств.

На базе Высшей школы успешно функционируют: аспирантура и докторантура, диссертационный совет по защите кандидатских и докторских диссертаций по татарскому языку и литературе; учебно-научные лаборатории «Экология татарского языка», «Лингвокультурология и лексикография», «Литературная и театральная критика», «Тюркология и межкультурная коммуникация», «Графический дизайн и издательское дело» (совместно с Татарским книжным издательством), студенческий театр «Мизгел» («Мгновенье») и другие.

Наиболее известные проекты, реализуемые коллективом Высшей школы в последние годы: открытие Института Каюма Насыри в Казани и его центров в Астане (на базе Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан), Бишкеке (на базе Кыргызско-Российского славянского университета им. Б. Н. Ельцина, Кыргызская Республика), Москве, Санкт-Петербурге, Уфе, Екатеринбурге, Пензе и Чебоксарах (Институт открыт в целях пропаганды и продвижения татарского и русского языков за пределами Республики Та-

тарстан); создание Центра международной языковой сертификации по татарскому языку; создание и сопровождение онлайн-школы обучения татарскому языку «Ана теле», «Скорая лингвистическая помощь»; организация и проведение (ежегодно) Международного научно-практического саммита (форума) «Сохранение и развитие языков и культур» и другие.

С 2013 г. под патронажем Президента Республики Татарстан на базе Высшей школы на трех языках (английском, татарском и русском) издается международный научный журнал «Tatarica», отвечающий современным мировым стандартам. В журнале публикуются научные статьи по проблемам исследования татарского языка, литературы, культуры, истории и образования. В состав Международного редакционного совета журнала вошли известные ученые-тюркологи и ученые-татары, успешно занимающиеся исследованиями в различных областях. Выпуски журнала направляются в ведущие научные библиотеки, университеты и научные центры мира. В 2015 году журнал «Tatarica» вошел в крупнейшую мировую базу данных EBSCO, что открывает доступ к нему самой широкой мировой научной аудитории.

Выпускники Высшей школы очень востребованы. Они успешно работают в сфере образования и науки, в органах государственной и муниципальной власти, в учреждениях культуры и массовой коммуникации, а также успешно трудятся в туристических, переводческих фирмах и агентствах и др.

Литература

Бартольд В. В. Обзор деятельности факультета восточных языков // Сочинения. Т. IX. Работы по истории востоковедения. М.: Наука, 1977. 966 с.

Валеев Р. М. Казанское востоковедение: Истоки и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.). Казань: изд-во Казан. ун-та, 1998. 377 с.

Героическое прошлое русского народа в художественной литературе. М.-Л.: изд-во Академии наук, 1941. 75 с.

Гилязов А.М. Давайте помолимся! Казань: Тат.кн.изд-во, 2017. 511 с.

Гилязов А.М. При свете зарниц Казань: Тат.кн.изд-во, 2017. 511 с.

Гилязов И. А. Дорога дальняя, цель – вечная // Татарский мир. № 5 (2005). URL: <http://www.tatworld.ru/article.shtml?article=724§ion=0&heading=0> (дата обращения: 19.02.2018).

Глотова О. А. А. А. Жданов: идеологическая деятельность в 20–40-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 273 с.

Жуков Ю. Н. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М. Терра, 2000. 184 с.

Куликова А. М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. – 1917 г.) / А. М. Куликова; Рос. АН, Санкт-Петербург. фил. Ин-та востоковедения. СПб.: Центр «Петербург. Востоковедение», 1994. 436 с.

Нуруллина Р. Ибрагим Нуруллин в воспоминаниях. Казань: ООО Издательский дом Маковского, 2013. 216 с.

Поздравительное письмо татарам-фронтовикам от татарского народа // Правда. 1943. 5 марта.

Пономарев А. Н. Александр Щербаков: страницы биографии. М.: изд-во Госархива, 2004. 272 с.

Рубцов Ю. В. Из-за спины вождя: Политическая и военная деятельность Л. З. Мехлиса. М.: Компания Ритм эстейт, 2003. 256 с.

Синицын Ф. Л. Национальная политика в СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 27 с.

Усманов Х. У. Формирование новой специальности. Рукопись. 33 с.

Ахунов Г. Студент еллары хәтирәләре // Әдәби сүз. 1994. Каралама. 2 б.

Әхмәтҗанов М. Студент Аяз Гыйләҗев энә шундый иде // Аяз Гыйләҗев: Истәлекләр / Төз. И. Гыйләҗев. Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. Б. 20–21.

Әдәби сүз. Казан: КГУ, 1994. 10 б. (каралама)

Гайнуллин М. Шихаб Мәрҗани // Совет әдәбияте. 1943. № 12. 63 б.

Гыйләҗев А. М. Күпне көтәбез! // Казан утлары. 1975. № 9. 62–65 б.

Гыйләҗев А. Сайланма әсәрләр 6 т. Т. 1. Казан: Тат. кит. нәшр., 2013. 720 с.

Гыйләҗев А. Сайланма әсәрләр 6 т. Т. 2. Казан: Тат. кит. нәшр., 2014. 720 с.

Гыйләҗев А. Сайланма әсәрләр 6 т. Т. 6. Казан: Тат. кит. нәшр., 2016. 783 с.

Гыймади Х. Урта Идел буе халыкларынын татар монголлар игосына каршы көрәше тарихыннан // Совет әдәбияте. 1943. № 5. 84 б.

Мостафин Р. Сүзләр әйтелми калды // Аяз Гыйләҗев: Истәлекләр / Төз. И. Гыйләҗев. Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. Б. 104.

Нуруллин И. Шулай, брат... // Аяз Гыйләҗев: Истәлекләр / Төз. И. Гыйләҗев. Казан: Татар. кит. нәшр., 2006. 106–107 б.

Татар факультетына 50 ел. Казан: Шәкли фәхем, 1994. 70 б.

Татар факультетына 60 ел. Казан: Казан ун-ты типографиясе, 2004. 143 б.

Татар филологиясе һәм тарихы факультеты. Казан: Б. и., 2004. 42 б.

**УКЫТУЧЫЛАР ҺӘМ БЕРЕНЧЕ СТУДЕНТЛАРНЫҢ ИСТӘЛЕКЛӘРЕНДӘ
КАЗАН УНИВЕРСИТЕТЫНДА
ТАТАР ТЕЛЕ ҺӘМ ӘДӘБИЯТЫ БҮЛЕГЕ АЧЫЛУ ТАРИХЫ**

Рәдиф Рифкать улы Жамалетдинов,
Казан федераль университеты,
Россия, 420008, Казан ш., Кремль ур., 18 нче йорт,
director.ifmk@gmail.com.

Миләүшә Мөхәммәтжан кызы Хәбетдинова,
Казан федераль университеты,
Россия, 420008, Казан ш., Кремль ур., 18 нче йорт,
mileuscha@mail.ru.

Мәкаләдә Казан университетындагы милли белем бирүнең үсеш тарихына бәйле архив материаллары системага салып бирелә. 1950 нче елларда татар теле һәм әдәбияты кафедрасын житәкләгән Х. Госманның истәлекләре беренче тапкыр фәнни әйләнешкә кертелә. Татар бүлеге укытучылары һәм беренче студентларының истәлекләрен, хатларын һәм көндәлекләрен анализлау нигезендә, яңа төзелгән белем бирү-фәнни оешмасының тормышы һәм эшчәнлеге кабат торгызыла. Тикшерү барышында татар теле һәм әдәбияты кафедрасының сугыштан соңгы унъеллыктагы эшчәнлегенә төп юнәлешләре ачыклана. Татар филологиясе бүлеге яшәшенең беренче дистә елларындагы алга таба СССРда татар телендәге филологик белем үсеше өчен нигез булып хезмәт иткән фәнни казанышлар кыскача билгеләнеп үтелә.

Төп төшенчәләр: Казан университеты, татар филологиясе, татар теле һәм әдәбияты бүлеге, белем бирү өлкәсендәге милли сәясәт, милли кадрлар.